РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 12 6-го ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА. № 12

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

И вотъ на площади соборной
Въ столицѣ русскаго царя
„Земли и Воли" флагъ народный
Развился шестого декабря.

Изъ революціонной пѣсни того времени
„Красное Знамя".

6-го декабря минетъ 25 лѣтъ со времени первой соціально-революціонной демонстраціи въ Россіи — демонстраціи на Казанской площади въ Петербургѣ 6 декабря 1876 г. Первая попытка открытаго народнаго протеста разыгралась на той площади, которая до сихъ поръ служитъ какъ бы общепризнаннымъ революціоннымъ сборнымъ пунктомъ столицы.

Казанская демонстрація 1876 г. произошла въ моментъ перелома въ направленіи дѣятельности революціонеровъ того времени. Въ 1874 г. разгромлены были пропагандисты, ушедшіе „въ народъ", въ деревню, чтобы поднимать крестьянство. Тысячи людей заполнили тюрьмы и казематы, и въ ожиданіи грандіознаго процесса 193-хъ (1877-1878 гг.) происходили одинъ за другимъ процессы пропагандистовъ отдѣльныхъ кружковъ. Массовое движеніе революціонеровъ въ деревню было подорвано въ корнѣ; если еще то тамъ, то сямъ устраивались „поселенія" революціонеровъ и велась болѣе или менѣе успѣшная пропаганда, то, во всякомъ случаѣ, прежняго беззавѣтнаго увлеченія этимъ движеніемъ въ массѣ революціонеровъ уже не было. Остатки разбитыхъ кружковъ собрались въ крупныхъ городскихъ центрахъ, въ той лабораторіи, гдѣ непрерывно продолжался процессъ воспитанія новыхъ и новыхъ революціонеровъ. Политическое недовольство толкало въ ряды революціонной партіи лучшіе элементы учащейся молодежи, а рядомъ съ ней уже формировались отряды привлеченныхъ пропагандой рабочихъ. Оправившись отъ понесенныхъ жестокихъ ударовъ, революціонеры, обогащенные опытомъ послѣднихъ лѣтъ, снова организовались, готовясь къ новому походу. Только теперь сила событій — вопреки теоріи — перемѣстила главное мѣсто войны изъ деревни въ городъ. И въ городѣ же разыгралась первая попытка примѣненія новой „бунтарской" тактики, разсчитанной на революціонное воспитаніе народныхъ массъ при помощи всякаго рода открытыхъ протестовъ.

Зимой 1876 г. петербургскіе рабочіе кружки захотѣли выйти изъ тѣсныхъ рамокъ подпольной кружковщины и тѣмъ сообщить сильный толчокъ дальнѣйшему развитію соціалистическаго дѣла. Интеллигенты-бунтари сильно упирались, не желая растрачивать свои силы на работу въ городѣ: по ихъ тогдашнимъ взглядамъ „бунтарское" дѣло должно было начаться въ деревнѣ. Но рабочіе настояли на своемъ, и было рѣшено устроить демонстрацію на площади передъ Казанскимъ соборомъ во имя „Земли и Воли".

Демонстрація вышла менѣе внушительной, чѣмъ предполагали ея устроители. Рабочіе явились, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на то разсчитывали. Явилась и учащаяся молодежь. Однимъ изъ „бунтарей", Г. В. Плехановымъ, была произнесена рѣчь, было развернуто красное знамя... Послѣ этого произошло нападеніе полиціи на безоружную толпу, жестокая схватка и множество арестовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ процессъ. На первую революціонную демонстрацію правительство отвѣтило суровымъ, до тѣхъ поръ небывалымъ приговоромъ. Пятеро изъ демонстрантовъ — Гервасій, Боголюбовъ, Бочаровъ, Чернявскій и Бибергаль — были приговорены къ каторжнымъ работамъ (на 15 лѣтъ!), десять другихъ — на поселеніе въ Сибирь.

За Казанской демонстраціей послѣдовало еще нѣсколько открытыхъ протестовъ. Демонстраціи устраивала, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, но и рабочіе принимали въ нихъ участіе.

Но революціонное движеніе не удержалось на пути открытыхъ массовыхъ протестовъ. Революціонныя силы были еще слишкомъ незначительны, чтобы заставить правительство отказаться отъ всѣхъ тѣхъ средствъ подавленія „бунтовъ", которыми оно владѣетъ. Драконовскіе приговоры противъ революціонеровъ и пассивное отношеніе широкихъ народныхъ слоевъ къ открытымъ протестамъ заставили тогдашнихъ революціонеровъ отказаться отъ этого пути. Революціонная борьба пала всецѣло на плечи организованнаго передового отряда движенія, и эта борьба была поведена самыми отчаянными средствами. Настала пора террора, истощившаго въ неравной борьбѣ организованныя революціонныя силы. А на смѣну ей пришла пора полнаго затишья.

Вмѣстѣ съ новымъ широкимъ размахомъ революціоннаго движенія недовольные общественные элементы вновь почувствовали потребность вылить свой протестъ въ формѣ уличной демонстраціи. Не прошло и года послѣ знаменитой петербургской стачки, какъ 4 марта 1897 г. Казанская площадь снова увидѣла демонстрантовъ, протестовавшихъ противъ правительственнаго произвола, замучившаго въ тюрьмѣ Марію Вѣтрову.

Демонстрація эта, произведшая громадное впечатлѣніе повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенціей. Рабочія организаціи считали себя еще слишкомъ слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочія массы. Но что послѣднія не отнеслись равнодушно къ протесту учащейся молодежи, — это видно изъ того, напр., факта, что въ Кіевѣ власти приняли рядъ энергическихъ мѣръ, чтобы помѣшать рабочимъ идти на подобную же демонстрацію, устроенную мѣстными студентами вслѣдъ за петербургскими.

Студенты и студентки, участвовавшія въ „Вѣтровской" демонстраціи, пострадали очень легко. Правительство Николая II еще не сочло возможнымъ бросить вызовъ солидному „обществу", стоявшему рѣшительно на сторонѣ протестовавшихъ. Съ тѣмъ большей поспѣшностью оно бросилось наказывать невольную попустительницу стольких „безпорядковъ" — соборную площадь. Градоначальникъ внесъ въ думу „предложеніе" (читай — приказъ) разбить на революціонной площади садъ, который, правда, долженъ былъ исказить своеобразную красоту этой площади (самодержавію не нужны широкія перспективы!), но за то, предполагалось, насажденныя мощной рукой помпадура Клейгельса деревья затруднятъ движеніе будущихъ демонстрантовъ.

Но — гнилыя деревья реакціи ростутъ медленнѣе, чѣмъ молодые побѣги революціоннаго движенія. Прошло ровно четыре года, и 4-го марта 1901 г. многія тысячи демонстрантовъ явились на Казанскую площадь протестовать передъ заранѣе собраннымъ царевымъ воинствомъ противъ новаго проявленія произвола. И въ этотъ разъ главную массу демонстрантовъ составляла интеллигенція, среди которой терялись кучки рабочихъ. Но уже за этимъ протестомъ „общества" явственно слышался шумъ приближающихся „рабочихъ батальоновъ", и въ то время, какъ на Казанской площади готовилась Клейгельсомъ бойня, на окраинахъ города принимались „предупредительныя мѣры" противъ могущихъ явиться пролетаріевъ.

На этотъ разъ Казанская площадь увидѣла ужасное побоище. Расправа 4-го марта превзошла по своей хладнокровной жестокости и гнусности все доселѣ проявленное царскими башибузуками. И точно также небывалой по количеству жертвъ была послѣдовавшая затѣмъ кара, постигшая — въ видѣ высылки или ареста — сотни людей. — Интересная подробность: въ числѣ высланныхъ за демонстрацію учащихся находилась курсистка Бибергаль, дочь того самаго Бибергаля, который 25 лѣтъ тому назадъ былъ высланъ на каторгу за участіе въ Казанской демонстраціи 6-го декабря. Такъ, второе поколѣніе протестующихъ проходитъ уже мимо могучихъ колоннъ Казанскаго собора... Суждено-ли этому поколѣнію сдѣлать то, чего не могли сдѣлать его отцы?

Демонстрація 4-го марта, благодаря стараніямъ башибузуковъ Клейгельса, вызвала новый рядъ протестовъ по всей Россіи. Эта волна разлилась по всей странѣ вплоть до Сибири и Кавказа, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ наполняла революціоннымъ шумомъ ея сонную жизнь. Прошло два мѣсяца, и по улицамъ Петербурга и Тифлиса рабочіе показали Россіи, какъ они умѣютъ умирать за свободу.

Предстоитъ-ли нынѣшнему демонстраціонному движенію истощить свои силы такъ, какъ это было 25 лѣтъ тому назадъ и уступить мѣсто единоличной борьбѣ организованныхъ революціонеровъ? Мы увѣрены, что нѣтъ. Мы увѣрены, что тысячи передовыхъ рабочихъ и студенческой молодежи поддержатъ это движеніе и съумѣютъ не дать ему угаснуть до тѣхъ поръ, пока его подхватятъ десятки и сотни тысячъ. А втянувъ въ себя народныя массы, это движеніе станетъ непобѣдимымъ, оно станетъ непосредственнымъ прологомъ революціи.

„Земля и Воля" — писали на своемъ знамени демонстранты 6-го декабря 1876 г. При всей туманности этого девиза на него откликнулись и революціонная молодежь, и сознательные рабочіе: революціонное чувство недовольства побуждало протестовать независимо отъ того, насколько выставленный девизъ выражалъ положительныя стремленія пролетаріата.

„Долой временныя правила!" — таковъ былъ девизъ демонстраціи 4-го марта 1901 г. Мѣсто широкой, но нѣсколько туманной формулы 70-хъ годовъ заняло узкое, „практическое" требованіе, которая столь же мало, какъ и былая туманная формула, могло выразить дѣйствительныя стремленія всѣхъ протестующихъ и тѣхъ, кто готовится ихъ поддержать.

Русскимъ соціалдемократамъ предстоитъ теперь усиленно работать надъ тѣмъ, чтобы начавшееся вновь демонстраціонное движеніе принимало все болѣе массовый, народный характеръ. Но роль наша не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы „втянуть" рабочую массу въ противуправительственное движеніе, начатое тѣми или другими угнетенными царизмомъ группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сдѣлали не болѣе того, что дѣлали при подобныхъ условіяхъ въ З. Европѣ буржуазно-демократическія партіи. Намъ предстоитъ сдѣлать нѣчто гораздо большее. Рабочія массы должны не только придать демонстраціямъ физическую силу численности и нравственную силу народности, — нѣтъ, онѣ должны усилить революціонный характеръ самого движенія, должны положительно выразить въ немъ политическую программу и соціальные интересы своего класса. Поверхъ частныхъ поводовъ протеста противъ самодержавнаго произвола онѣ могутъ и должны поставить общій лозунгъ борьбы за низверженіе самодержавія и за установленіе демократіи. И если рабочія массы подъ руководствомъ организованной пролетарской партіи выставятъ этотъ боевой лозунгъ, онъ удесятеритъ революціонную силу движенія; и въ то же время онѣ, ставъ общепризнаннымъ революціоннымъ авангардомъ, достигнутъ того, что въ моментъ окончательной развязки общенародной борьбы съ самодержавіемъ, окажутся дѣйствительной политической силой, способной сознательно отстаивать свои классовые интересы противъ кого бы то ни было.

„Земля и Воля" было написано на знамени соціалистовъ-интеллигентовъ 70-хъ годовъ. „Политическая свобода для борьбы за соціализмъ" — подъ этимъ знаменемъ рабочіе займутъ окончательно свое мѣсто въ общедемократической борьбѣ съ царизмомъ.

Эта задача будетъ выполнена лишь въ томъ случаѣ, если русская соціалдемократія станетъ дѣйствительно организованной боевой политической партіей.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Безгрѣшные доходы нашихъ министровъ. Намъ сообщаютъ изъ Москвы: Правленіе О-ва Московско-Кіево-Воронежской ж. д., предсѣдателемъ которой состоитъ г. Коковцевъ, сдѣлало заказъ на доставку для дороги 50 мил. пуд. каменнаго угля организующемуся обществу разработки каменноугольныхъ копей, однимъ изъ устроителей и главныхъ пайщиковъ котораго является другой г. Коковцевъ, товарищъ министра финансовъ и братъ предсѣдателя правленія названной дороги. Заказъ долженъ быть выполненъ въ теченіе 8 лѣтъ по цѣнѣ $6^3/_4$ коп. за пудъ (рыночная цѣна угля въ настоящее время $6^1/_2$ коп. пудъ). Такъ какъ образующемуся обществу требуются, надо полагать, не малыя деньги для того, чтобы приступить къ будущимъ операціямъ по добыванію угля, то правленіе дороги любезно выдало обществу копей (товарищу министра финансовъ г. Коковцеву?) авансъ въ размѣрѣ 500 тыс. руб. Такимъ образомъ, несмотря на то, что уголь на рынкѣ стоитъ $6^1/_2$ коп., г. Коковцевъ-предсѣдатель даетъ г. Коковцеву-товарищу министра по $6^3/_4$ коп. (на 50 мил. пудовъ разница составитъ, если не считать %, на авансъ, 125 тыс. руб.). Далѣе, — не смотря на то, что у О-ва М. К. В. ж. д. нѣтъ денегъ, и для обновленія и пополненія подвижного состава (плохихъ паровозовъ своихъ и проч.) дорога вынуждена была прибѣгнуть къ облигаціонному займу, — г. Коковцевъ даетъ г. Коковцеву кругленькій авансъ въ полмилліона рублей.

Не знаемъ, выгодна-ли будетъ эта сдѣлка акціонерамъ дороги, братцы же во всякомъ случаѣ врядъ-ли останутся въ накладѣ. Ну, а что же министерство финансовъ? Министерство финансовъ (гг. Витте и Коковцевъ) сдѣлку (продѣлку гг. Коковцевыхъ?) разрѣшило.

Еще о деревенскихъ прокламаціяхъ. Въ одномъ изъ селъ —скаго уѣзда бѣднымъ и неграмотнымъ крестьяниномъ было получено письмо. За прочтеніемъ письма крестьянинъ обратился къ учителю. „Прочитайте, сдѣлайте милость. Въ первый разъ въ жизни получилъ — откуда и отъ кого придумать не могу". Письмо было прочитано учителемъ, и содержаніе его произвело на чтеца и слушателя столь сильное впечатлѣніе, что съ общаго согласія было рѣшено отправиться къ о. дьякону и у него еще разъ прочитать диковинное посланіе.

Къ о. дьякону гости попали весьма кстати: по какому-то дѣлу у него оказалось чел. десять мужиковъ.

Посланіе было громогласно прочитано о. дьякономъ и, разумѣется, произвело сенсацію, впрочемъ, далеко не одинаковаго характера. Дьяконъ съ письмомъ отправился къ попу, крестьяне же разбрелись по селу, каждый по своему уразумѣвъ письмо „отъ добрыхъ людей". Въ результатѣ — попъ отправилъ письмо къ властямъ „въ губернію", мужички же стали толковать, что „царь отъ податей ослобоняетъ". Когда поступокъ священника сдѣлался извѣстенъ на деревнѣ, къ сказанной фразѣ стали прибавлять: „царь не велѣлъ, а попы съ господами скрываютъ: коли бъ не добрые люди, и по сейчасъ бы платили". Въ этой мысли человѣкъ десять такъ укрѣпились, что простодушные люди и становому заявили: „свобода отъ податей вышла — по доброй волѣ платить не станемъ. Ото царя приказъ вышелъ!" Разслѣдовать смуту умовъ были командированы жандармы. Произвели, какъ водится, обыскъ у учителя, но ничего предосудительнаго не нашли. Тѣмъ не менѣе, въ предотвращеніе развитія заразы, въ селѣ оставленъ представитель царской власти — жандармъ, который и по сей день проживаетъ въ „зараженномъ" селеніи.

Начальникомъ —ской губерніи данъ по полиціи приказъ слѣдующаго содержанія: „Строго предписываю волостнымъ и сельскимъ властямъ при полученіи противозаконныхъ сочиненій, не читая ихъ, не медля доставлять оныя мѣстному начальству. При этомъ ставится на видъ то, что до сихъ поръ означенныя власти не только сами читали противозаконныя воззванія злонамѣренныхъ лицъ, но созывали цѣлые сходы, на которыхъ разбиралось, довести-ли о нихъ начальству или же нѣтъ".

Еще циркуляръ о борьбѣ съ крамолой. Мин. Вн. Дѣлъ разосланъ нижеслѣдующій конфиденціальный циркуляръ (за точность передачи содержанія и отдѣльныхъ выраженій ручаемся; точной же копіи достать, къ сожалѣнію не удалось).

Нѣкоторыя злонамѣренныя лица, получивъ заграничные виды на жительство, успѣваютъ нѣсколько разъ побывать заграницей, вернуться въ Россію, привезти съ собой противозаконныя воззванія и брошюры и распространить таковыя, причемъ о выдачѣ означенныхъ видовъ Департ. полиціи узнаетъ только черезъ девять мѣсяцевъ.

Въ виду изложеннаго предлагается Вашему Превосходительству съ особой осторожностью и вниманіемъ относиться къ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ и своевременно увѣдомлять отъ Деп. полиціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ Департаментъ не въ состояніи принять необходимыхъ мѣръ для борьбы съ преступной дѣятельностью означенныхъ лицъ.

Одесса. Въ изданномъ одесскимъ комитетомъ партіи воззваніи сообщается слѣдующій фактъ:

„Въ субботу 20-го октября на Розумовской улицѣ состоялось сіонистское собраніе для избранія делегатовъ на конгрессъ сіонистовъ. Дѣло самое невинное, къ потрясенію основъ никакого касательства не имѣющее. Но не такъ показалось царской полиціи, у которой отъ страха глаза велики. Пронюхавъ про собраніе, полиція направилась туда. Пом. пристава Соколовъ приказалъ всѣмъ сѣсть и пригрозилъ въ случаѣ сопротивленія призвать казаковъ. Затѣмъ присутствовавшихъ переписали и въ ожиданіи высшаго начальства продержали до 4 час. утра, когда пріѣхали Чебановъ и Головинъ. Послѣ насмѣшекъ и издѣвательства надъ собравшимися ихъ начали выпускать по одиночкѣ изъ залы. Но при выходѣ ихъ встрѣчали городовые и надзиратели, которые обрушивались на ничего не подозрѣвавшихъ людей съ кулаками и шашками и нещадно били ихъ, не щадя ни пола ни возраста. Это возмутительное проявленіе безшабашнаго самоуправства полиціи должно вызвать чувство негодованія во всѣхъ кто еще способенъ возмущаться надругательствомъ надъ человѣческой личностью". Обращаясь ко всѣмъ, терпящимъ отъ правительственнаго произвола, комитетъ приглашаетъ ихъ присоединиться къ борьбѣ за политическую свободу.

Происшествія, подобныя описаннымъ въ прокламаціи, неизбѣжны въ странѣ, гдѣ законъ не ограждаетъ правъ личности. Но если они неизбѣжны, то было бы желательно, чтобы они дѣйствовали просвѣщающимъ образомъ на тѣхъ, кто, какъ сіонисты, воображаютъ, будто бы внѣ политической борьбы можно разрѣшить какой-нибудь (въ данномъ случаѣ еврейскій) общественный вопросъ. Отвлекая еврейскую интеллигенцію и еврейскую рабочую массу отъ борьбы вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ за свободу, сіонисты играютъ въ руку тому политическому режиму, который въ періодическихъ припадкахъ самодурскаго бѣшенства подвергаетъ дикому насилію самыхъ мирныхъ обывателей.

Изъ Ярославля пишутъ: Положеніе Ярославля довольно выгодное вслѣдствіе близости его къ обѣимъ столицамъ. На